

Поэтому с ней не так просто иметь дело. Более того, она лояльна не всегда по-европейски. Получается порочный круг: оттого, что лояльность не европейская, труднее с ней иметь дело, и наоборот: оттого, что трудно иметь дело, не хочется принимать такую страну в Европу.

Еще бóльшая проблема с Россией, которая на самом деле не хочет в Европу, и ее в Европе не хотят. И для России стимулов для лояльности по отношению к Европе, пожалуй, меньше, чем у Турции. Так обязательно ли Россия должна стать европейской для того, чтобы выстраивание отношений с ней проходило более гладко и более конструктивно? Или можно представить себе иной подход к отношениям с Россией, который исходит из того, что она не станет европейской в обозримой перспективе, а то и никогда.

Вообще нужно больше думать о том, что происходит за пределами Европейского дома, чем об обустройстве его как такового.

Вернусь к событиям 1989 г. Нобелевская премия мира, присужденная Михаилу Сергеевичу Горбачеву, заслужена им, быть может, больше, чем кем бы то ни было. Ведь огромное множество людей в Европе благодарны ему за то, что тогда, 20 лет назад, он сделал их свободнее и счастливее. И только в нашей стране это совсем не так.

Для большинства стран Варшавского договора сразу было понятно, что освобождение от коммунизма – это путь в Европу, это обретение новой идентичности, которая не требовала доказательств, которая ими сразу была осмыслена как «возвращение в Европу». При этом было ли на самом деле европейское прошлое счастливым, благополучным, справедливым, свободным – уже не имело значения. Оно было мифологизировано. Оно давало нации импульс к развитию, основу для единства и национальной идентичности. В сущности, сегодня границы Европы и не-Европы проходят в значительной мере по западным границам России. И она не хочет и не может войти в Европу в том смысле, в котором уже сегодня членами европейского сообщества стала часть бывших советских сателлитов.

В одной из последних статей, опубликованных в газете *The New York Times* М. Горбачев пишет о том, что мировые процессы протекают не по воле политиков, а потому, что такова воля их сограждан. Речь в этой статье шла о крахе социалистической системы. Это очень верно. Действительно, как пишет сам Михаил Сергеевич, не он, не Рейган, не Папа Иоанн Павел II разрушили коммунизм – люди не хотели так жить.

Гж. Колодко

ВЕЛИКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ 1989–2029 гг.

Такая насыщенность перемен, как за 20 лет постсоциалистических системных трансформаций – редкий случай в истории. По мнению некоторых специалистов, в 10 странах ЦВЕ, уже вступивших в Европейский союз (Болгария, Чехия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия и Словения), трансформация прошла успешно, поскольку регион оказался в институциональном плане готовым к полноценной рыночной экономике. Другие полагают, что им придется пройти еще долгий путь.

Каскад

Я разделяю последнюю точку зрения. Несмотря на то, что само обстоятельство формального членства в Европейском союзе, в соответствии с копенгагенскими критериями 1992 г., предполагает, что новые страны-члены представляют собой «функциональные рыночные экономики», способные к конкуренции в рамках европейской интеграционной группировки, тем не менее это не означает фактической зрелости системы. Единственным разумным критерием зрелости служит качественное развитие рыночной культуры в широком смысле слова и надежность институтов, т.е. правила игры рыночной экономики, которые обеспечивают эффективное действие механизмов создания и распределения капитала, а также продукции. Говоря об эффективном действии данных механизмов, следует иметь в виду динамику и сбалансированность экономических процессов. Вот почему для достижения состояния рыноч-

Гжегож В. Колодко – профессор, директор Центра трансформации, интеграции и глобализации экономических исследований (TIGER) при Академии предпринимательства и управления им. Леона Козмиńskiego, член Международного совета журнала «Мир перемен» (г. Варшава).

В основе статьи – выступление на Международной конференции «Двадцать лет трансформаций и будущее постсоциалистических стран», г. Варшава, 3–4 апреля 2009 г.

ных институтов и культуры, удовлетворительного с этой точки зрения, необходимо дальнейшее развитие, которое может занять несколько лет.

Если говорить о других регионах, особенно постсоветской Центральной Азии, то есть страны, которые нельзя назвать постсоциалистическими, поскольку они пытаются трансформировать собственные старые системы в соответствии с новыми реалиями их существования. В конце концов, нет сомнения, что Венгрия, Польша или Югославия 1989 г. имели гораздо более высокий уровень маркетизации и либерализации, чем Азербайджан, Узбекистан или Туркменистан 20 лет назад. В силу определенных условий тогда никто даже не думал называть бывшие «переходные экономики» «реформированными социалистическими (коммунистическими)» (к последней группе стран, в силу специфических условий, это не относится).

Весной 1989 г. в Польше исторический «круглый стол» увенчался компромиссным соглашением. За ним собрались представители властей и оппозиции, ориентированные на реформы и развитие, интеллектуалы и бизнесмены, политики и экономисты. Соглашение послужило катализатором крупных системных трансформаций, которые распространились на большую часть земного шара: сначала на Восточную Европу, а вскоре после этого на территорию бывшего Советского Союза. Соглашение оказало серьезное влияние на поворот к рынку и ускорило структурные и институциональные преобразования в Китае и Индокитае, и частично во Вьетнаме.

В общем, свыше 30 стран на территории от Эльбы до Тихого океана, в настоящее время заселенной почти 1,8 млрд человек, т.е. более ¼ населения земного шара, вступили на путь либеральных рыночных и демократических трансформаций. За 20 лет этот процесс, происходящий на фоне глобализации и еще одной фазы научно-технической революции, а также бурных культурных и политических преобразований, не только придал этой части земного шара новый облик, но и совершенно изменил мир.

Это справедливо и потому, что 1989 г. был исторически значимой датой для многих других регионов земного шара – от Южной и Центральной Америки, Африки и Ближнего Востока до Южной и Восточной Азии. В частности, речь идет о таких странах, как Чили, Никарагуа, Гана и Южно-Африканская Республика, Йемен, Сирия, Индия и Шри-Ланка.

Финансовое оздоровление, ставшее еще более радикальным к 1989 г. (поскольку ранее в отдельных странах трансформация подготавливалась разными элементами экономического подъема)¹, так-

же означало окончание «холодной войны», а в результате – противостояние между развитыми капиталистическими странами во главе с США и бывшими колониальными метрополиями, с одной стороны, и СССР и Китаем – с другой, которое велось на территории стран «третьего мира». Интересно отметить, что 20 лет спустя влияние Китая намного усилилось, а в некоторых частях мира, с новыми границами, продолжает расширяться...

Коллапс реального социализма, окончание «холодной войны», постсоциалистическая трансформация и экспансия неолиберализма, рынки, «развивающиеся» на территории постколониальных и постсоциалистических стран, нарастающая волна современного этапа глобализации, информационная революция, массовая миграция и разграбление природной среды – самые важные факторы, вызывающие поток культурных, политических, социальных, экономических, технологических и экологических трансформаций.

Сегодня приходится иметь дело с сочетанием и взаимным влиянием различных процессов непрерывных изменений, совпадение которых в определенные моменты создает особый кумулятивный эффект. Тогда исторические процессы носят нелинейный характер. Это то, что происходит на наших глазах. Поток изменений в обществе и экономике можно было бы назвать тектоническим сдвигом, создающим новое качество. И именно в таком контексте следует воспринимать исторический процесс постсоциалистических рыночных трансформаций.

Приговор

Если спросить специалистов по экономическому развитию, знакомых с реалиями постсоциалистических стран после 1989 г. (исключая Китай и Индию), каким был бы средний уровень жизни и производства спустя 20 лет трансформаций, ни один из них не сказал бы, что рост составит 20%, а это можно расценивать как свидетельство экономической бессмысленности великих перемен. Зачем же начинать трансформации системы с единственной целью обречь следующее поколение (400 млн человек) на полуголодное существование и даже ежегодно намечать темпы роста, в среднем составляющие 0,9%? Тем не менее оказалось именно так...

В 80-е годы никто не рискнул бы предсказывать (это было бы даже нелепо), что в Китае ВВП вырастет не на 1/5, а в 5 раз. За это время огромная страна, которую некоторые считали коммунистической, смогла увеличить уровень производства на 420%. Она сделала это, избрав собственный путь, несмотря на давление и рекомендации Запада, в отличие от стран Восточной Европы и некоторых республик Советского Союза, в разные периоды и в разной мере им следовавших. В Китае успешно обеспечили сотрудничество «невидимой руки» рынка и «види-

¹ Bąk M. Europa Środkowa i Wschodnia wobec wyzwania transformacyjnego. Gdańsk. Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. 2008; Koźmiński A. How It All Happened. Essays in Political Economy of Transition. Difin, Warszawa. 2008.

мой головы» государства. Совместная деятельность этих двух регуляторов социального воспроизводства определила беспрецедентный успех, поскольку страна постепенно перешла от реформируемой социалистической плановой экономики к капиталистической рыночной. И хотя Китай не признает этого и ныне выдвигает тезис построения «гармоничного общества», заведомо социалистического, на самом деле он стоит на пути рыночной экономики, капиталистической по природе, со всеми долгосрочными (в том числе политическими) последствиями.

Мы никогда не получим удовлетворительного ответа об альтернативе: «что произошло бы, если...»? Что произошло бы, если Китай пошел бы по пути хаотической политической и экономической либерализации, как Россия в годы правления Б. Ельцина? Была бы у него большая численность населения, чем сейчас, и более низкий уровень жизни, чем в 1989 г., и заполнил бы он мир еще десятками миллионов несчастных мигрантов? Что случилось бы, если в Восточной Европе (начиная с Польши), а потом в Советском Союзе, не сложились бы политические условия для всесторонних, глубоких трансформаций. Что если в этой части света пошли бы по пути постепенных, но эффективных рыночных реформ, как в Китае или Индокитае, вместо динамичных постсоциалистических трансформаций, которые имели место на самом деле? Можно предположить, что в этом случае результаты были бы лучше, а в 1990–2009 гг. темпы роста значительно более интенсивными, чем несчастные 0,9% в год, как в предшествующие 20 лет (с 1970 по 1989 гг.) и даже в еще большей степени, чем в два предшествующих десятилетия (1950–1969 гг.).

Также можно предположить, что в результате кризиса, на рубеже 80–90-х годов и системной неспособности встать на путь быстрого и сбалансированного роста, эти страны впали бы в вековую стагнацию и, возможно, сегодня имели бы еще более низкий уровень производства, чем тогда. Однако, принимая во внимание степень включенности в рыночные реформы в конце 80-х годов, особенно в Венгрии и Польше, а также горбачевскую гласность и перестройку, первый вариант представляется вероятнее: более высокие темпы роста, чем реально имевшие место.

Глубже реформируя социализм на основе той или иной модели, можно было бы ожидать иной работы и механизмов перераспределения. Неравномерность распределения дохода, разумеется, могла бы быть большей, чем в период так называемого реального социализма, но все же меньше фактической². Тем не менее это предположение

² Kolodko G. W. From Shock to Therapy. The Political Economy of Postsocialist Transformation. Oxford. N.Y. 2000; Tomkiewicz J. Nierówności dochodowe w krajach posocjalistycznych – mechanizmy i uwarunkowania na tle tendencji światowych // Problemy Zarządzania. 2007. No. 3. P. 121–135.

также можно было бы поставить под вопрос, о чем, к примеру, свидетельствует опыт Китая и Вьетнама. Здесь реформы системы социалистической экономики стали спусковым механизмом расширения неравенства, даже в больших масштабах, чем в странах, избравших путь постепенных трансформаций. Достаточно сказать, что индекс Джини, иллюстрирующий уровень различия дохода, в Китае составляет 0,47 (по данным 2007 г.), во Вьетнаме – 0,37 (2004 г.), в Польше – 0,35 (2005 г.), а в Венгрии только 0,28 (2005 г.)³.

Реформы против трансформаций

Существенно различаются рыночные реформы экономики реального социализма и постсоциалистическая рыночная трансформация. В первом случае речь идет только о способе функционирования существующей системы ради ее сохранения. Именно для этого предпринимались попытки придать ей больше гибкости и увеличить адаптационную способность к меняющимся культурным и технологическим условиям. Преследовалась цель усиления эффективности компаний и получение социальной поддержки либо, по крайней мере, одобрения функционирования системы. Во время реформ перемены – хотя подчас глубокие и серьезные – предположительно должны были служить поддержке, а не отрицанию экономической и политической системы. Именно такова была направленность советской перестройки в конце 80-х годов, польских реформ 80-х, трансформации в Венгрии в 1968 г., а также югославской модели самоуправляющегося социализма в 50-е годы⁴.

Во втором случае – постсоциалистической трансформации – цель состояла в устранении бывшей системы и ее замене путем значительной, качественной институциональной перестройки новой рыночной капиталистической экономикой. То обстоятельство, что понятие «капитализм» до сих пор удивительно редко используется в связи с системой, созданной на территории Восточной Европы и бывшего Советского Союза, ничего не меняет. Несмотря на то, что такие эвфемизмы, как «рыночная экономика» используются чаще, ее капиталистическая сущность остается несомненной.

Не случайно бывший «коммунизм» со всеми его (в том числе и воображаемыми) недостатками противопоставляют «рыночной экономике» с ее преимуществами, некоторые из которых остаются чисто гипотетическими. Такое целенаправленное (идеологически обусловленное, практически бессмысленное, но политически полезное) про-

³ CIA. The World Factbook 2008 // www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html.

⁴ Baka W. Zmagania o reformę. Iskry. Warszawa. 2007.

тивопоставление несуществующего «коммунизма», представленного в мрачном образе, идеализированной «рыночной экономике» методологически ошибочно и действительно вводит в заблуждение. Соответствующие сопоставления требуют столкновения с реалиями прошлого и настоящего, а не очерняемого прошлого и не приукрашенной картины настоящего или воображаемого будущего.

Поэтому следует сопоставить так называемый реальный социализм, каким он был на самом деле, особенно в его экономическом аспекте, и так называемый реальный, современный постсоциалистический капитализм, какой он есть⁵. Поразительно, что ни экономисты, ни историки экономики на данный момент не готовы дать исчерпывающее сопоставление. Быть может, нам придется ждать еще 20 или более лет пока это произойдет...

Развивающиеся рынки

Понятие «развивающиеся рынки», обычно (причем нередко неправильно) используемое, когда речь идет о постсоциалистической реальности, не было предназначено для описания новой, сложной экономической реальности в странах, переживавших системные трансформации. Этот термин – еще одна неолиберальная концепция. Она связана с распространением неолиберальной модели капитализма, которая сохранялась на протяжении того же периода, что и 20-летний эпизод постсоциалистической трансформации⁶.

«Развивающиеся рынки» – не появляющиеся, развивающиеся и зрелые рыночные экономики, гражданские общества и политические демократии, а новые сферы экономической деятельности (в частности, спекуляция), возникшие в более богатой части мира, давно сложившейся как капиталистическая экономика. Она настолько зрелая в институциональном и финансовом плане, что в наши дни обладает силой и богатством, которые можно использовать вне традиционных сфер доминирования. До 1989 г. ситуация требовала, чтобы часть мира, где не было рыночной экономики, «поднялась» и открылась для проникновения капитала, что, в свою очередь, возможно только путем трансформации от социалистической плановой к капиталистической рыночной экономике.

Исходя из этой неолиберальной позиции, формирующиеся рынки рассматриваются опосредованно, как еще одна возможность делать хороший бизнес, не обязательно учитывая социальные издержки.

⁵ *Głowczyk J. Szalbierczy urok transformacji // Fundacja Innowacja / Wyższa Szkoła Społeczno-Ekonomiczna. Warszawa. 2003.*

⁶ *Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford – New York: Oxford University Press. 2005.*

Однако с точки зрения стран и экономик, заинтересованных в «развитии», цель другая: появление системы рыночной экономики, эффективной и конкурентоспособной в мировых масштабах, которая смогла бы удовлетворить потребности собственных обществ.

Короче говоря, в этом состоит фундаментальное отличие неолиберального подхода к постсоциалистической системной трансформации и социальной рыночной экономики. Первый сосредоточен на открывающихся возможностях для бизнеса. Ему не следует удивляться, но необходимо понимать его и соответственно реагировать. При другом подходе внимание уделяется формированию и развитию нового типа социальных связей, основанных на новых рыночных принципах управления. Отсюда формирование не только «рынков», но и социальной рыночной экономики. А это совершенно иное...

Следовательно, забота о демократии и прогрессе, развитии и благополучии постсоциалистических обществ, о которой много говорят на Западе, в основном имеет риторический характер, прикрывая обеспокоенность за политические и экономические интересы, в частности, финансовых элит. Не следует обижаться на это обстоятельство, но было бы крайне наивно и не осознавать его. Надо учиться адаптироваться к нему как к новому вызову, который (в период глобализации, т.е. создания взаимозависимой мировой экономики после ускорения либерализации и интеграции рынков) создает не только новые опасности и риски, но и новые возможности. Однако для того, чтобы оно благоприятствовало долгосрочному социально-экономическому развитию, необходима эффективная стратегия, определяющая цели развития и опирающаяся на точную экономическую теорию.

Что касается упомянутого исторического приговора, то с учетом диалектики развития он был неизбежным. Естественно, его масштабы должны стать предметом серьезных размышлений и дебатов, а также надежной оценки как с политической, так и с научной точки зрения.

Неизбежно, что 20 лет назад система реального социализма – экономика, функционировавшая вне политической демократии и основанная на господстве государственной собственности, централизованном распределении капитала и бюрократическом контроле – шла к краху, поскольку израсходовала потенциал развития. Люди испытывали все большую неудовлетворенность социальными функциями, обычно исполняемыми ими⁷:

- среди производителей возростала фрустрация, вызванная неправильно организованным производством, которое не приносило ожидаемых результатов;

⁷ *Kolodko G. W. Cele rozwoju a makroproporcje gospodarcze. SGPiS. Warszawa (Second edition. PWN Warszawa. 1986). 1984.*

- среди потребителей уровень потребительской удовлетворенности был сравнительно низким перед лицом возрастающего дефицита и углубляющегося синдрома инфляциста⁸, а иногда – абсолютно низким, поскольку было трудно не только зарабатывать средства, но и расходовать их;
- гражданам так называемая народная демократия и более-менее либеральная однопартийная система не давали возможности организованного и творческого выражения мнений, а также влияния на общественные дела.

В этой ситуации, когда система явно создавала больше проблем, чем решала их, «материальная усталость» оказалась столь велика, что система была обречена на крах под гнетом собственной дисфункциональности.

Это произошло в 1989 г. и последующие годы, хотя могло случиться на несколько лет или десятков лет раньше или позже. Во-первых, в условиях возрастающего социального давления, наиболее ярко выраженного в Польше, в основном, хотя и не только, движением «Соллидарность», которое со временем отказалось от первоначальных целей, встав на популистские и неолиберальные позиции⁹. В той же самой Польше, власти, ориентированные на реформы, поняли это и решили разделить ответственность, организовав «круглый стол», в Румынии – они пошли совершенно иным путем. В других странах процессы происходили между двумя этими крайностями.

Очевидно, внешнее давление сыграло свою роль, однако в основном это был внутренний процесс. Не следует переоценивать его значения. Внешние силы быстрее воспользовались процессами внутреннего распада, указавшими направление или темпы преобразований. Даже если власть в США принадлежала бы демократам, склонным к компромиссу и сотрудничеству, а также настроенным в духе реформирования системы и стремившимся к «социализму с человеческим лицом», в отличие от республиканцев, придерживавшихся конфронтационного подхода; даже если в Великобритании власть принадлежала бы лейбористам, сосредоточенным на социальной рыночной экономике и стремящимся к «третьему пути», в отличие от тори, которые воспринимали Восточную Европу с ожесточением, реальный социализм все же был обречен на провал. Если бы это не произошло в конце 80-х годов, то случилось бы немного позже. Но он не был обречен на то, что происходило после этого, на протяжении следующих двух десятилетий, и что в значительной степени происходит и теперь.

⁸ Kolodko G. W., McMahon W. Stagflation and Shortageflation: A Comparative Approach // *Kyklos*. 1987. Vol. 40. Fasc. 2. P. 176–198.

⁹ Ost D. Defeat of Solidarity. Anger and Politics in Postcommunist Europe / Cornell University. Ithaca, NY. 2005.

Факты, интерпретации, предположения

Если прошлое – область фактов и их интерпретаций, то будущее – самое главное, если его активно не моделировать – сфера предположений и интерпретаций. С прошлым работать труднее, будущее – более привлекательно, поскольку не признает никаких фактов. Оно их формирует. Однако, что это будут за факты, в значительной степени зависит от прогнозируемых предположений и последствий: теоретических, практических, интеллектуальных и политических. Поэтому гипотетические размышления о будущем, с определенными интеллектуальными и формальными ограничениями, не только интересны, но и могут оказаться творческими и плодотворными. Тот, кто размышляет, не способен к предвидению. А без предвидения, нельзя участвовать в созидании будущего.

Оценка предшествующего хода постсоциалистических трансформаций до сих пор двойственна. Она может занять жизнь нескольких поколений, если не вечность. Тем не менее возникают определенные области теоретических обобщений, которые трудно поддаются рациональному опровержению¹⁰. В то же время, по всеобщему мнению, можно было бы достичь более высоких показателей экономического роста, хотя иногда возникают серьезные противоречия относительно ведущих к ним путей. Несомненно, что спустя 20 лет с начала трансформаций, их результаты, измеренные в критериях экономического роста, могли бы стать более существенными, а социальные издержки (безработица, неравенство, показатели социального отчуждения, бедность, чрезвычайно высокая смертность и т.д.) более ограниченными. Аналогичные явления могли бы наблюдаться и в будущем.

Перед лицом неолиберальной пропаганды, ориентированной на представление ложного (безальтернативного) пути трансформаций *ex ante* и его предполагаемого образа, редко предпринимаются попытки оценки экономического роста в 1990–2009 гг. Очевидно, даже ее точный результат, учитывающий динамику производства и потребления, может оказаться неудовлетворительным для текущей ситуации, поскольку критерия ВВП недостаточно для характеристики всех аспектов социально-экономического положения. Индекс человеческого развития (HDI), применяемый Программой развития ООН, подходит больше, однако также не совершенен. Он не учитывает фактора окружающей среды или оценки свободного времени и его использования. Со временем всем этим и некоторым другим аспектам социально-экономического развития (культурные ценности и оценка отношений между способом реализации власти и функцио-

¹⁰ Blanchard O. The Economics of Post-Communist Transition. Oxford University Press. New York. 1997.

нированием экономики) будет уделяться соответствующее внимание, например, в сводном индексе благосостояния¹¹.

Возьмем, к примеру, Польшу – самую крупную экономику среди новых стран – членов Европейского союза, ВВП которой в 2009 г. составил примерно 180% от уровня 1989 г. За исключением Китая и Вьетнама, это лучший показатель среди постсоциалистических стран, если не брать в расчет Туркменистан (приблизительно 220%), стимулируемый бумом цен на энергоресурсы в последние годы¹². К тому же ВВП Польши увеличился на 80% в силу быстрого роста в 1994–1997 гг., а также со второй половины 2002 г. до середины 2008 г. В 1990–1993 и 1998–2001 гг. совокупный рост ВВП приближался к нулевой отметке. Эти изменения в динамике и уровне производства явно коррелировались с показателями занятости и безработицы.

Несколько слов о попытке оценить гипотетические темпы роста экономики Польши за последние 20 лет. Ее основой служит предположение, что изменения уровня ВВП в 1990–1993 гг. могли бы соответствовать первоначальному плану правительства (падение на 3,1% в год в 1990 г. и последующий рост) и в 1998–2001 гг. они могли бы оказаться сходными с реальной динамикой в 1994–1997 гг., что также предполагалось политикой правительства. Это было возможно. Реализация сценария не допускала очевидных ошибок: во-первых, политики стабилизации в начале прошедшего десятилетия¹³; во-вторых, ненужного охлаждения экономики в конце десятилетия, когда темпы роста снизились с максимального уровня (в трансформационный период) 7% в 1997 г. до стагнации 0,2% в конце 2001 г.¹⁴ Если события развивались бы по сценарию, основанному на предположении о разумной политике построения рыночных институтов и ответственной стратегии экономического развития, и был бы дан более эффективный ответ на мировой экономический кризис 2008–2009 гг. при сохранении динамики ВВП на уровне 4–5%, то в 2009 г. ВВП составил бы не 180% от уровня 20-летней давности, а свыше 280%.

В абсолютных величинах это оказалось бы не 18 тыс. долл. на душу населения (при расчете по паритету покупательной способности),

¹¹ Kolodko G. World on the Move. Columbia University Press. New York, 2009.

¹² Transition Report 2008. Growth in Transition / European Bank for Reconstruction and Development. London. 2008.

¹³ Kolodko G. W., Nuti M. The Polish Alternative. Old Myths, Hard Facts and New Strategies in the Successful Transformation of the Polish Economy // Research for Action / The United Nations University World Institute for Development Economics Research. WIDER. Helsinki. 1997. P. 33.

¹⁴ Transition Report 2008. Op. cit.

как в Латвии, а более 28 тыс. долл. – выше, чем в Португалии. Таков диапазон неиспользованных возможностей и в то же время безвозвратно потерянный доход. Невозможность извлечения дохода, который потенциально использовался бы в обществе – результат того, что в определенные периоды экономическая политика проводилась в неолиберальном духе.

Что касается прочих переходных экономик, которым в совокупности удалось восстановить уровень производства 1989 г. только в 2007 г., диапазон ошибок был еще шире, чем в Польше, отсюда еще большие трудности с использованием потенциала роста. В силу различных причин, обычно политического, нежели экономического характера, почти непрекращающиеся политические дебаты, иногда склонявшиеся к популизму, иногда к неолиберализму, затруднили осуществление рациональной и практической политики сбалансированного экономического роста.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что для Польши 3%-ные темпы роста в год не были неизбежными, поскольку вполне достижимыми представлялись 5%. Страны переходной экономики ни при каких обстоятельствах не были *заведомо* обречены на низкие темпы роста (0,9% в год). Фундаментальные ошибки экономической стратегии в отношении структурных изменений и создания новых институтов, необходимых для эффективного функционирования рыночной экономики и экономической политики, *приводят* к высоким издержкам. Цена, которую приходится платить, – более низкая конкурентоспособность компаний по сравнению с той, какой она могла бы быть, и более низкий уровень жизни, а также избыточная внешняя задолженность и зависимость от иностранного капитала и политики.

Так что же, нам придется заплатить аналогичную цену в будущем? Будем надеяться, что нет, хотя нельзя быть уверенными, особенно, глядя на то, как медленно идет обучение на собственных ошибках. Наблюдаемая инерция частично вытекает из привязанности постсоциалистического истеблишмента к неэффективным доктринам, а отчасти из-за давления национального и иностранного лобби, обеспечивающего собственные интересы.

В 2008 г. в 10 постсоциалистических странах – членах Евросоюза проживали 103 млн человек, что составляло 1,5% населения земного шара. Они создавали 1,86 трлн долл. ВВП (по паритету покупательной способности), или 2,6% мирового валового продукта, или 12,4% валового продукта всего ЕС. Следует подчеркнуть, что это сравнительно меньше (да, меньше, а не больше), чем 20 лет назад. Это вызвано тем обстоятельством, что темпы роста производства в 1990–2009 гг. как в мировых масштабах, так и в наиболее обеспеченной части мира, включая западную часть Евросоюза, были значительно выше, чем в постсоциалистических странах.

В последующие 20 лет (2010–2029 гг.) ситуация должна и может измениться. Постсоциалистические экономики, даже в течение текущего десятилетия – до начала мирового кризиса – показали гораздо лучшую динамику, чем высокоразвитые страны, отчасти компенсируя разницу между ними. Громадный институциональный прогресс, в сочетании с технологическими достижениями и ростом квалификации и управленческих навыков работников, приводит к более высоким темпам роста производительности труда, чем на Западе. Эта тенденция, сопровождающаяся дальнейшим повышением качества управления микроэкономикой, должна продолжиться в будущем. Очевидно, она также требует эффективной макроэкономической политики, поскольку одних микроэкономических изменений недостаточно.

2009-й и последующие годы характеризуются особой неопределенностью, связанной с распространением последующих стадий мирового кризиса. Разумеется, на этом фоне трудно дать разумный прогноз динамики экономического развития в последующие несколько лет, тем не менее анализ системных преобразований позволяет предположить, что в конечной перспективе постсоциалистические экономики имеют больше оснований (связанные с глобальной политикой, институтами, культурой, населением и технологией) для интенсивного роста, чем «старые» члены ЕС.

В долгосрочном процессе устранения исторических расхождений в уровне развития, учитывается каждая доля процентного пункта, поскольку с течением времени работают сложные проценты. Но прежде всего должна работать соответствующая стратегия долгосрочного интенсивного экономического роста, основанная на новом прагматизме, отворачивающаяся от угрозы популизма и неолиберального варианта рыночной экономики. Для экономического равновесия и динамики особенно опасно сочетание обоих факторов, как это иногда случается в постсоциалистических странах.

Будущее

Заглядывая в будущее, давайте еще раз проанализируем пример Польши. Сегодня, как в 1989 г. и в дальнейшем, вероятны следующие пути экономического роста. Посмотрим как они располагаются на шкале между очень высоким (однако не недостижимым) среднегодовым темпом 5% и показателем 3%, который оценивается как низкий, и по возможностям и по амбициям. Насколько же велика разница между предполагаемым уровнем ВВП спустя еще 20 лет, в 2029 г., при темпе роста 3%, фактически наблюдавшемся в 1990–2009 гг., и ВВП при темпе роста 5,4%, достижимым в аналогичный период, если бы не ошибки экономической политики. Такие как шок без терапии в начале предшествующего десятилетия и ненужное охлаждение или перегибы

экономики в конце него. При определенных условиях 5%-ный рост, как представляется, может быть достигнут в последующие два десятилетия, однако в связи с этим исключительно важно, чтобы долгосрочная стратегия опиралась на соответствующую экономическую теорию.

Если бы все постсоциалистические страны ЕС поддерживали интенсивный рост в последующие 20 лет, то при прочих равных обстоятельствах их совокупный ВВП к 2029 г. составил бы 5,33 трлн долл. по паритету покупательной способности, примерно в 3 раза больше, чем сейчас. Предположим, что среднегодовые темпы роста мирового ВВП составляют 3,5%, не превышая при этом 1,5% для 15 «старых» стран Евросоюза, тогда спустя еще два десятилетия ВВП 10 стран возрастет с 12,4% в ЕС и 2,6% в мире, до 30 и 3,8% соответственно. Это существенно укрепило бы сравнительное положение Восточной Европы особенно на европейском континенте.

Следует добавить, что к 2029 г. к ЕС, возможно, присоединятся балканские страны (Албания, Босния и Герцеговина, Хорватия, Косово, Македония, Черногория и Сербия) и некоторые постсоветские республики (Белоруссия, Молдова, Украина). В 2008 г. их совокупный ВВП составил 729 млрд долл. по паритету покупательной способности (половина которого – 360 млрд – приходилась на Украину). В целом ВВП этих стран оценивается как соответственно 39,2, 4,9 и 1% от совокупного продукта 10 стран – членов Евросоюза, всего ЕС и всего мира. Если сопоставить совокупный ВВП, рассчитанный по покупательной способности 7 балканских стран и 3-х постсоветских республик на другом фоне, то он выше, чем ВВП Польши (729 и 685 млрд долл. по паритету покупательной способности соответственно).

ВВП европейских постсоциалистических экономик, не входящих в состав ЕС, как можно ожидать, в будущем будет увеличиваться быстрее, чем в более развитых странах. Следовательно, реалистично предположение о трехкратном темпе роста до 2029 г. – т.е. примерно до 2 трлн долл. по паритету покупательной способности. Тогда ВВП 20 постсоциалистических стран Европы (10 из которых уже входят в состав Союза, а другие должны вступить в него со временем) составит приблизительно 5,3% мирового объема производства. Население земного шара к тому времени достигнет примерно 8 млрд человек, в то время как в Восточной Европе будут проживать примерно столько же, сколько и сейчас (т.е. от 190 до 200 млн). Таким образом, 1/40 населения планеты – 2,5% всего человечества – будет производить 1/20 мирового валового продукта. Ныне население Центральной и Юго-Восточной Европы, составляющее 2,94% от населения Земли, производит до 3,7% мирового валового продукта.

Самое важное, однако, то, что при оптимистическом сценарии 5,4% роста годового ВВП в 10 постсоциалистических странах в составе ЕС его показатель на душу населения мог бы возрасти на

34 тыс. долл. по паритету покупательной способности (со среднего уровня 18 тыс. до 52 тыс. в 2029 г.). Это означает примерно 190%-ный рост на душу населения, поскольку увеличение его численности по сравнению с нынешним уровнем не предполагается. Для упомянутых стран хорошо было бы, по крайней мере, увеличение объема производства и, следовательно, ощутимый рост уровня жизни. Именно к этому должен сводиться смысл постсоциалистических системных трансформаций, с тем, чтобы способ действия, как иногда бывает, не смешивали с целью.

* * *

В заключение ответим на вопросы: могли ли трансформации развиваться по более благоприятному сценарию? Будут ли они развиваться по более позитивному сценарию в будущем? Очевидно, они могли бы развиваться по лучшему сценарию – в различных пределах в разных странах и в разных сферах для определенных лиц и социальных групп. Было бы лучше точнее установить цели и рассматривать системные трансформации не как самостоятельную цель, а как инструмент достижения более высокой цели – интенсивного социально-экономического развития, позволяющего компенсировать историческое отставание¹⁵.

Будут ли они развиваться по лучшему сценарию? В абсолютном смысле, конечно, да. Спустя еще 20 лет трансформаций, уровень производства и потребления удвоится, а в некоторых случаях даже утроится. Составит ли ВВП на душу населения около 50 тыс. долл. по паритету покупательной способности в новых постсоциалистических странах – членах Евросоюза? Маловероятно, если говорить обо всем 100-миллионном населении этой части Европы, однако возможно для некоторых стран и регионов (все чаще и чаще приходится думать в понятиях регионов, а не стран), которые способны достичь экономического успеха. Там, где это происходит, ВВП, ныне приходящийся на одного гражданина 15 «старых» стран ЕС, даже может быть превышен. И несмотря на то, что последние будут развиваться дальше, увеличивая объем производства и потребления, по крайней мере, на 1/3, различия между странами Восточной и Западной Европы будут менее выраженными. Но даже спустя 20 лет во многих случаях они будут носить существенный характер, все еще вызывая социальные трения и политические проблемы.

Однако ситуация не улучшится, поскольку субъективные мнения зависят не от оценки различия между прошлым и настоящим, либо

сокращения различий по сравнению с более богатыми обществами и частями света, а исключительно от восприятия индивидуальной, групповой, социальной и национальной ситуации, исходя из личных желаний, ожиданий и представлений, которые, вне всякого сомнения, будут всегда превосходить возможности исполнения, а также фактической реализации. Важно то, что, с одной стороны, они станут движущей силой дальнейших перемен и развития, а с другой – причиной бесконечной фрустрации.

Учитывая динамику роста и развития, а также прогресс, достигнутый в будущем в этих сферах, ситуация останется все-таки хуже, чем могла бы быть. Как всегда, потенциал будет использован не в полной мере, по той же причине, что и в прошедшие 20 лет. В данный период неизбежны бесчисленные ошибки экономической политики, вытекающие из неправильно разрешенных конфликтов групповых интересов, основанных отчасти на неточных теоретических предположениях, а в более общем плане, на теории, выходящей за рамки реальности и бесконечных проблем. И, прежде всего, ошибки формулирования общей цели развития, а затем уже ее разделения на отдельные (частичные) цели. Так было, есть и будет.

Выводы, вытекающие из 20-летней истории трансформаций, а также предыдущих лет, должны способствовать сокращению разрыва между возможностью и реальностью в последующие годы (2010–2029 гг.). Однако даже в 2029 г., как в 1989 г. и 2009 г., найдутся те, кто на вопрос «Когда же наконец станет лучше?» с сарказмом ответят: «А уже...»

¹⁵ Kolodko G. Globalization and Catching-up In Transition Economies. University of Rochester Press. Rochester, NY and Woodbridge, Suffolk. UK. 2002.